

Сергей СПАССКИЙ

Маяковский. Люблю

М. 1922. Изд. Вхутемас. № 1

Маяковский издевается.

Первая книжица сатиры

М. 1922. Изд. Вхутемас. № 3

Когда в 1915 году, после отдельных нервных, случайных, но по-своему полноценных строк в футуристских сборниках, после затуманенной рассудочными аллегориями трагедии, Маяковский выступил с «Облаком в Штанах», кто из нас не почувствовал больших и самобытных возможностей в пришедшем поэте.

Выработав несколько своих приемов, расчистив себе пространство для внутреннего строительства четырьмя отрицаниями: современной любви, общественности, искусства и религии, как бы обещал Маяковский в дальнейшем разрешить всем разнообразиям растущих из него форм полноту и сложность вопросов, заданных нам эпохой.

Для нас важен факт: Маяковскому оказалось нечего поставить на место сброшенных им условий и отношений. Внутренняя слепота, неумение изнутри уловить и понять ритм смысла современности завели его в тупик принципиального отрицания и превратили когда-то смелого зачинателя в ходячий анахронизм, в набивающего оскомину перекладывателя своих собственных, еще до «Облака» определившихся приемов.

И в самом деле, в двух лежащих перед нами книжечках, изданных в 1922 году, нас встречают издавна знакомые положения:

1. Обращение к воображаемым слушателям: «это вам — упитанные баритоны; это вам пентры; это вам футуристики, имажинистики, акмеистики, это вам... пролеткульты» и т. д.

2. Противоположение себя этим слушателям или вообще лицам, окружающим поэта: «людые трудами муштровано — а я убегаю на берег Риона шлялся; что мне вздох от видов на море... Я вот в... бюро похоронных процессий влюбился в глазок 103 камеры; А я обучался азбуке с вывесок; А я говорил с одними домами» и т. д. до бесконечности, вот уж подлинно, как самому не надоест!

3. Гипербола как основа образа:

Сплошное сердце — гудит повсеместно;
Громада-любовь, громада-ненависть и т. д.

4. Обобщение как основа неологизма:

людые, дамы.

Сами образы иногда почти буквально, иногда в несколько иных словах перетянуты и, уже в который раз, из прежних работ Маяковского: «язык трамвайный вы понимаете; один идиот манжеты наделал и груди стал заливать крахмалом; такая машина охала; листоватые страницы железа и жести; мутят Иловатских больные вопросы».

Поистине удобный язык. Сцепи несколько готовых образов и применяй их к любви, к прогулке по Мясницкой или к поездке в Ригу.

Наконец, все это вколочено в тот же однотипный, монотонный размер, в который вот уже 12 лет набивает Маяковский свои образы.

Сатиры нам кажутся более приемлемыми, так как в них поэт без всяких особых претензий делает дело, на которое он сейчас единственно способен. Уже совершенно вялым и затертым языком острит по различным поводам. Там, впрочем, с языка нечего и спрашивать. Соль не в нем, а в несколько неповоротливом, часто безвкусном, все же юморе. Он и облегчает прочтение этой непритязательной брошюры.

Маяковский не сдержал обещания, данного в предисловии ко «Всему написанному». Пожелаем ему или действительно и бесповоротно переступить через свое прошлое и найти в самом себе живительные струи подлинной творческой активности или... уехать за границу, поражать новизной, дерзновением и нетронутостью соскучившихся по сильным впечатлениям эмигрантов.

